

2. Бондарный и щепной промыслы

Статистика первого десятилетия XX в. давала общее число этих кустарей по Европейской России — 66258 чел.

Из них в Центрально-Черноземном районе было 19011 чел., Центрально-Промышленном — 16027, Северо-Восточном — 12770, на Севере — 7022, Северо-Западе — 4693 и Юго-Восточном — 3347¹⁶⁵.

В Северной полосе больше всего бондарей находилось в Вятской губ. (5 тыс. чел.), затем в Вологодской — 2,4 тыс. чел. и Олонецкой — 0,6 тыс. чел. В Архангельской и Пермской — меньше 0,5 тыс. чел.

В Центральной полосе наибольшее число в Тверской губ. — 2,1 тыс. чел., Псковской — 1,9, Новгородской и Нижегородской — по 1,7 тыс. чел., Смоленской и Костромской — по 1,2 тыс. чел., в Санкт-Петербургской — 0,9, Московской и Калужской — по 0,8, во Владимирской и Ярославской — меньше 0,5 тыс. чел.

В Южной полосе в Воронежской и Пензенской губ. — по 2,9 тыс. чел., Курской и Орловской — по 1,8, Казанской — 1,7, Саратовской — 1,5, Рязанской — 1,4, Тамбовской — 1,3, Симбирской — 1 тыс. чел., в Самарской и Уфимской — меньше 0,5 тыс. чел.

Кустарей, занимавшихся щепным промыслом, в Северной полосе больше всего было в Вятской губ. — 1,2 тыс. чел.

В Центральной полосе в Новгородской губ. — 1,3 тыс. чел., в Санкт-Петербургской и Смоленской — по 0,5 тыс. чел.

В Южной полосе — немного.

Отдельные сведения есть о гребенном промысле:

Северная полоса — Вятская губ. 1,8 тыс. чел.

Центральная полоса — в Калужской и Нижегородской губерниях по 1,4 тыс. чел., в Смоленской — 0,6 тыс. чел.

В Южной полосе в Курской губ. — 0,8 тыс. чел. и в Саратовской губ. — 0,7 тыс. чел.

Бондарное ремесло известно на Руси издавна. О высоком уровне его развития еще в X-XV вв. можно судить по археологическим раскопкам в древнем Новгороде. Совершенно очевидно, что новгородцы пользовались всеми основными видами бондарной посуды, которая бытовала и во все последующие века. На Руси в совершенстве владели искусством изготовления бочек, кадок, ведер, подойников, ушатов, лоханей, шашек, жбанов, кружек и стаканов. Конструкция и формы деревянной посуды, простые, рациональные, практичные, оказались удивительно живучи. Предшественницей бондарной посуды несомненно была долбленая, изготавливавшаяся из цельного ствола дерева. Первым шагом к изобретению бондарной посуды явился обруч. Долбленки и дуплянки, чтобы предотвратить растрескивание, стали стягивать всевозможными жгутами, веревкой, проволокой. Постепенно началась выделка деревянных и железных обручей.

Постепенное развитие бондарной техники решило проблему изготовления крупных деревянных сосудов, необходимых не только в домашнем быту, но и в различных промысловых занятиях — коженном, красильном и проч.

Ассортимент пород деревьев, которыми пользуются бондари, весьма разнообразен. Но любой из употребляемых видов должен отвечать определенным условиям: легко колоться, обрабатываться резанием (строгаться, пилиться), быть достаточно упругим, при распаривании легко гнуться. Самыми употребляемыми породами деревьев у бондарей являлись дуб, осина, тополь, липа, ольха и береза, из хвойных — сосна, ель, кедр, лиственница и можжевельник. В южных районах России использовали бук и каштан. Среди лиственных пород особо выделялся дуб, древесина которого резалась с большим трудом, но хорошо кололась, после распарки становилась гибкой, что было необходимым качеством при изготовлении бочек. Плотная и тяжелая дубовая древесина хорошо сушилась, мало ко-

робилась, содержащиеся в ней консервирующие вещества предохраняли изделия от поражения гнилостными микробами. Древесина дуба не боится влаги и после погружения ее в воду становится еще прочнее. Дубовые бочки можно было держать в сырых помещениях, на улице под дождем, зарывать в землю. Они служили много лет. В старой древесине дуба, в результате окисления некоторых входящих в нее веществ, возникали ароматические соединения, что и определяло запах хранящихся в них продуктов, в том числе вин. Яблоки, замоченные в дубовых кадушках, до весны сохраняли крепость и вкус. У дубовой древесины наблюдалось и еще одно интересное свойство — она ускоряла закваску теста, потому и использовалась для изготовления квашней.

Однако дуб в XIX в. уже был дефицитным лесным товаром. Поэтому одним из самых распространенных пород деревьев, использовавшихся в бондарном и щепном производстве, была осина. Клепки из нее чаще всего шли на изготовление посуды, предназначенной для различных солений и квашений. Издавна было известно, что капуста, заквашенная в осиной кадушке, до весны сохраняет белизну и упругость. Этому способствуют особые вещества, содержащиеся в древесине, главным образом, в свежей. Со временем осиновая древесина утрачивает эти свойства и тогда кладут в старую кадушку со свеженарубленной капустой осиновое поленце. Осина хорошо противостоит воздействию влаги и всегда считалась одним из лучших материалов для колодезных срубов, кровельного гонта и дранки. Из осины легко делать бондарные клепки, так как ее древесина прямослойна и хорошо раскалывается. Склонность осиновой древесины к разбуханию считалась отрицательным качеством, но не в бондарном ремесле. Именно благодаря этому осиновые клепки смыкались кромками настолько плотно, что трудно бывает различить места сочленения.

Широко использовали и липу. Кадушки из нее, пролежавшие все лето, не рассыхались. Бондарная посуда из липы хорошо сохраняет продукты, не придавая им никаких посторонних запахов и привкуса. Бондарная тара из липы считалась лучшей для перевозки и хранения сливочного масла (отмечалась долгая его сохранность). Употребляли липу и для изготовления мелкой дорожной посуды — фляг, баклаг, лагунцов.

Сосновые бочки и кадушки нередко называли смолевками или смолянками, но хранить в них продукты было нельзя — передавался сильный запах. Ведерки или подойники нередко делали из еловой древесины. Посуда из нее получалась легкой, незначительно впитывала влагу и легко мылась. Из еловой древесины делали емкости (ушатики) для хранения сливочного масла или маслобойки.

Для мелкой бондарной посуды широко использовалась древесина можжевельника (бочонки, фляги, кружки, жбаны, солоницы). Такая посуда имела красивый текстурный рисунок. В ней не скисало молоко, не горкло масло и несколько дней оставалась свежей сметана. В небольших можжевелевых кадушечках солили грибы, которые приобретали неповторимый вкус и запах¹⁶⁶.

В XIX в., несмотря на широкое внедрение в быт фарфорово-фаянсовой и металлической посуды различных емкостей, спрос на бондарные изделия оставался высоким. Но повсеместному его фабричному развитию мешали громоздкость, затруднявшая перевозку. На наличие этого промысла сказывалось, более чем в других отраслях деревообработки, степень лесистости местности или же присутствие в близлежащих лесах древесных пород, наиболее употребляемых при изготовлении бондарной посуды. Так, чрезвычайно лесные губернии — Вятская, Костромская, Новгородская — опережали многие места по развитию бондарного производства, но к ним примыкали и менее лесные Казанская, Пензенская, Тамбовская, Курская. Полтавская, Харьковская и Киевская губернии, которые относились к району распространения дуба, наиболее предпочитаемого сырья в бондарном деле.

Будучи необходимой принадлежностью даже самого бедного крестьянского хозяйства, бондарная посуда имела повсеместный спрос, что и отражалось на равномерном распределении по территории этого промысла. В широких масштабах бытовала и отхожая форма бондарного и щепного производства. Так, кустари-бондари шли в низовые города Поволжья — в районы рыбных промыслов, на Кавказ и другие места.

Виды бондарных товаров были бесконечно разнообразны. Собственно бондарная посуда изготовлялась из клепки, т.е. дощечек, получаемых от раскладывания различных размеров кряжей. Для хранения сыпучих тел готовили те же изделия, но вместо клепок использовали пиленные дощечки.

К долбленным изделиям относились корыта, лотки, ночевки, совки, ковши и проч. — они получили название щепного товара. В основе этого названия лежало значение термина — щеп. Иными словами, так назывались изделия, которые получались посредством щепания, в некоторых местах «щепой» обозначали штукатурную и кровельную дрань (дранку), гонт и др. Сюда же включали производство лопат, оглобель и хомутовых клещей для экипажей, а также производство берд для ткацких станков, самопрялок и деревянных гребней для прялок. Кустарей бердового и прялочного промыслов было относительно немного (возможно, что они попали в число

кустарей, занимавшихся щепным промыслом). Одним из центров производства прялок было с. Великое Ярославской губ.

В Нижегородском промысловом районе к щепным или горянским товарам относили чашки и ложки.

Таким образом, к ассортименту бондарного и щепного промысла относились разнообразные изделия, получаемые долблением, резанием, щепанием. Фабрика для этих видов товаров ни в конце XIX в., ни в начале XX столетия не являлась конкурентом. Она лишь кое-где сумела наладить производство бочек для смазочных масел, цемента, вин и проч. Главной опасностью для промысла являлось сокращение дубовых лесов и несколько менее — районов произрастания липы. В рассматриваемый период постоянно отмечалось удорожание лесного материала наряду с плохой организацией снабжения им. Промысел расширялся, но одновременно исчезал там, где истощались дубовые леса. В южных районах владельцы лесных угодий вели их постоянную расчистку, лишая бондарей местного сырья. Бондарный промысел не мог существовать на привозном материале. Отрицательное влияние на промысел оказывала и эксплуатация дубовых лесов для заготовки экспортной клепки. В таких местах внедрялось промышленное производство и шло резкое удорожание леса. Так, в Казанской губернии отмечалось значительное снижение качества бондарных изделий, что экономисты справедливо связывали с водворением в казанских дубравах производства экспортной клепки. Кустари стали употреблять для изготовления бочонков бракованную клепку, оставленную экспортерами. В северо-западных губерниях владельцы прежде всего стремились отправить свой лес на экспорт, а пользование казенными лесами было сопряжено со многими трудностями (почти не практиковалась подеревная продажа и льготные отпуски без торгов, с рассрочкой платежей).

Бондарь всегда и в любой местности считался высококвалифицированным специалистом. Промысел по своей технологии был достаточно сложным, требуя значительное количество разнообразных инструментов и приспособлений, полный набор которых имели немногие бондари. Кроме обычного столярно-плотницкого инструмента, требовался еще и специальный станок, скамья-щемяло, косарь, шляхты, фуганок, струги, «чертилка», зауторник, натяги. Для отески дощечек (клепки или бочечные «трости») использовались ножи разных форм. Техника изготовления клепки состояла в распиливании бревна на чурбаки (кряжи) — длиной в будущую клепку, которые при помощи клиньев раскалывались на четвертины. Полученные таким образом сколки (они считались лучше и прочнее пиленых) затем слегка отесывались топором или ножами —

для придания формы досок для днищ или клепок «тростей»). Болванки тростей и днища просушивались под навесом около двух месяцев, иногда досушиваясь в печи. Высохшие болванки тесали топором, строгали снаружи и внутри на станке скобелем, подгоняя плотно друг к другу. Затем клепки обрабатывали рубанками и т.д. Обручи делали из молодых дубков, вяза, черемухи. Когда все части будущего изделия были готовы, бондарь приступал к сборке, представлявшей собой сложный процесс, так как в клепках (в нижних концах) нужно было выпилить пазы зауторником, в которые следовало направить концы досок днища. Сначала работали с временными обручами и лишь после окончательной пригонки всех частей на изделие надевались настоящие обручи¹⁶⁷.

Во всех названных районах в разной степени, в зависимости от наличия леса и ряда социоэкономических факторов, а также с учетом традиций получили широкое распространение самые различные виды бондарно-щепного производства. Так, изготовлением долбленых изделий более всего занимались в приволжских и прикамских губерниях — Ярославская, Нижегородская, Костромская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Вятская и Уфимская губернии (до 2 тыс. кустарей). Среди изделий в этом регионе выделялись две группы: 1) ковши, уполовники, совки; 2) корыта, ночевы, лотки и кадушки. Изготовление первой группы изделий было более всего характерно для Костромской губернии, второй — для Казанской. В Костромской губернии бондарный промысел (ковши, уполовники, совки) был сосредоточен в Мисковской (села Мисково и Жарки) и Андреевской волостях (с. Сухоруково с прилегающими деревнями). Первоначальное производство возникло в Мискове задолго до 1861 г. Стимулировали развитие промысла два фактора — отсутствие удобной земли для земледелия и в то же время изобилие леса и довольно свободное им пользование.

Жители Мискова, бывшие монастырские крестьяне, имели в своем распоряжении значительную лесную площадь в 7 тыс. дес. Изготовление ковшей считалось несложным, но важным подспорьем для хозяйства, особенно в неурожайные годы. Когда основная часть лесных угодий была передана в казну, то крестьянам оставили лишь участок леса, из которого в год разрешалось вырубать каждому до 2 саж. дров. Промысел стал быстро приходить в упадок. Попытка в 70-е гг. добиться разрешения пользоваться лесным материалом из казенных дач не увенчалась успехом. Часть крестьян нашла себе совершенно новый промысел — разведение хмеля. Однако по обследованию 1880 г. число крестьян, занятых выделкой ковшей, оставалось довольно значительным: в Мисковской волости — до 515 чел., в Андреевской — 248. Производство ковшей, как

правило, строилось на семейной основе, наемная рабочая сила не привлекалась. Лесные породы, используемые в промысле, — береза, ольха, осина. Ольху находили на своих болотистых почвах, а березу и осину приходилось покупать. Причем последнюю использовали только при отсутствии иной древесины. Значительное количество лесного материала доставляли крестьяне соседних волостей — Бычихинской и Андреевской, был и привоз из Любимского и Даниловского уездов Ярославской губернии. За воз березы (6 штук деревьев по 3-4 аршина длиной, при толщине 3-4 вершка) платили 1 руб.50 коп. и более за воз осиновых и ольховых такой же меры — не дороже рубля. Часть березового сырья приобретали у лесопромышленников. Сбыт ковшей производился на месте — в с. Мисково, где их приобретали местные скупщики, которые везли товар в поволжские города. Заработки от ковшевого промысла были незначительными. В первые годы XX в. многие крестьяне стали заниматься изготовлением березовых стульев, а также плетением корзин из лозы, которые отправляли в Кострому. В 1912 г. в Мискове и Жарках осталось лишь 8, а в Андреевской волости — 53 двора, где продолжали заниматься изготовлением ковшей. В это время корзинным промыслом в Мисковской волости уже было занято до 50 домохозяев¹⁶⁸.

Так обстояло дело с промыслом по изготовлению долбленых изделий с показательной в этом отношении Костромской губернии.

Производство второй группы долбленых изделий (корыта, ночевки, лотки, кадушки, квашни, лагуны) являлось особенно характерным для Казанской губернии. Только в Спасском уезде этим промыслом было занято 113 чел. (79 семей). Ему немного уступал Царевококшайский уезд. При этом, если в Спасском уезде делали липовые кадушки, квашни, корыта, колоды, совки, чияяки, то в последнем — корыта и ночевки. В остальных уездах занимались изготовлением долбленной посуды мало, хотя ее ассортимент был весьма разнообразным.

Всего в Казанской губернии изготовлением долбленых изделий было занято более 300 чел. В восточных уездах это производство соединялось с выделкой лопат и особенно — липовых кадушек для хранения меда, муки, круп, а также лагунов — для дегтя и воды. Лучшее сырье для этого — древесина липы и осины с высокими техническими качествами. Приобреталось оно различными путями — чаще всего мелкими партиями у лесопромышленников или у мелких торговцев на рынках. В начале XX в. стало практиковаться создание артелей (4-10 чел.), которые занимались приобретением у казны небольших участков липы (на 100-300 руб.). Особое сырье использовали для изготовления долбленых изделий в Вятской гу-

бернии. где этот промысел также занимал важное место. Здесь выделка столовой посуды (тарелки, чашки, чаши, ложки, ковши) базировалась на использовании капа, обладавшего необычной прочностью и красотой рисунка при срезе. Наплывы капа обычно находили на старых ветвях, почти всегда с южной стороны. Кап, как правило, имел эллипсоидную форму, напоминая шит черепахи. Технология изготовления из него требовала предварительного вымачивания в воде, после чего первоначально белой окраски кап приобретал красноватый оттенок, рисунок при этом проступал более отчетливо. Попадал кап в руки мастеров чаще всего случайно, и посуда из него высоко ценилась. Наилучшим считался березовый кап, из прочих лиственных пород – липовый и ольховый (от березового отличался большей мягкостью и непрочностью), использовали еловый и сосновый капы. Березовый кап предназначался исключительно для столовой и ритуальной посуды.

В Вятской губернии были широко распространены и промыслы по изготовлению более крупной (и более грубой) цельнодолбленной утвари и прежде всего – кадок, ведер, лоханей, подойников, маслобоек, квашней, пудовок. Обычно их делали со вставным дном. Процесс их изготовления отличался длительностью и трудоемкостью. Деревья очищали от сучьев и коры, пилили на нужные заготовки, подвергали длительной сушке, сердцевину дерева выжигали, стенку изделия внутри тщательно очищали. Поверхность кадок выскабливали, иногда орнаментировали. Полученный цилиндр распаривали и в основание его вставляли еловое или дубовое круглое дно. Кадки для сбора молока, хранения масла, сметаны делали разных размеров и, как правило, с крышками, плотно пригнанными к стенкам. В богатый ассортимент этих изделий входили и маслобойки – сосуды с более сложной конструкцией (внутри цилиндра помещался стержень, на конце которого прикреплялся кружок с отверстиями для крестовика (для сбивания сметаны))¹⁶⁹.

Среди прочих мест, где изготовление долбленых изделий получило широкое распространение, следует назвать Новгородскую и Московскую губернии. В последней этот промысел отмечался повсеместно, но наибольшая концентрация его наблюдалась в Волоколамском (Серединская и Яропольская волости), Звенигородском (Лучинская), Клинском (Селинская и Соголевская), Серпуховском (Жатунская и Вельяминовская) уездах. Здесь делали бочки, кадки, ушата, ведра, жбаны для пива и кваса, лоханки различных размеров. Наиболее крупные партии этого товара на московские рынки поступали из селений Соголево, Селифанова, Губичей, Русанова Клинского уезда, Грызлова, Лапина, Ленькова и Вельяминова Серпуховского уезда.

В Новгородской губернии практиковалось промысловое изготовление «дуплянок» — под этим названием «скрывались» самые различные виды долбленной посуды — кадочки, чилияки или лагуны, квашни, дежи (использовались и для ульев). Делали их из осины. А заготовленные в лесу «чурки» уже в избе подвергались сверлению и долблению, очистке сердцевины, доведению стенок будущего сосуда до определенной толщины. Внутрь вставлялось осиновое днище, второе — крепилось с внешней стороны. В месяц мастер мог изготовить не более 100 штук дуплянок, которые представляли собой разновидности по определенным размерам: 5 вершков в высоту и ширину, 6 вершков, 7 вершков и т.д. Те мастера, которые поставляли крупные партии дуплянок на рынок, проживали, в основном, в селениях, располагавшихся вдоль железной дороги Москва-Петербург¹⁷⁰.

В бондарном промысле выделялось производство сит, решет и обечек (обечки — стенки сит и решет). Наиболее крупные размеры этого вида производства отмечались в Ковернинской волости Макарьевского уезда Костромской губернии, Базарно-Сызганской волости Корсунского уезда Симбирской губернии, Касимовского уезда Рязанской губернии, ряда мест Владимирской (с. Смердово, д. Рудильницы), Уфимской (д. Святая Горка), Пермской (Красноуфимский и Осинский уезды), Псковской (Великолукский и Холмский уезды) и др. В начале XX в. кустарей-обечников насчитывалось около 600, которые в год изготавливали до 3 млн обечек. Во многих местах зарождение этого промысла относилось к концу XVIII — началу XIX в. Сырьем для него являлась осина, которую в достаточном количестве находили в местных лесах. Однако в начале XIX в. в Костромской губернии, где производство обечек, сит и решет достигало значительных размеров, запасов собственной осины уже не хватало. Кустарям приходилось уходить за пределы Ковернинской волости в отдаленные места Макарьевского, Варнавинского, Ветлужского и Кологривского уездов. За кубическую сажень заготовленных обрубков платили 4-6 руб., когда приобретали необходимый материал подеревно. Из кубической сажени осины получалось около 2500 обечек разных размеров. Стоимость сырого материала за сотню непосредственно в лесу не превышал 25 коп., но вывоз его был чрезвычайно дорогим. Работа в лесах, как правило, шла с ноября по апрель, остальное время кустаря уходило на земледелие. Значительную часть готового товара по деревням или же непосредственно в лесу забирали скупщики. В деревнях Галанино, Захватово, Каменная Ковернинской волости промыслом по выделке сит и решет было занято до 300 чел. Для тканья лыковых полотен повсеместно привлекались и дети с 12 лет. Мужчины занима-

лись сборкой. Волосяные полотна, необходимые для производства, поступали из центральных и западных губерний на ближайшие крупные рынки. Металлические полотна (медные и железные) приобретались в с. Безводном Нижегородской губернии. Готовые изделия из этих мест расходились по поволжским городам и селениям вплоть до Астрахани, на северо-западе — до Рыбинска. Промысел по изготовлению сит и решет наблюдалось в Вятском, Яранском, Котельническом и Слободском уездах Вятской губернии (до 800 чел.).

Распространенным занятием в бондарно-шепном промысле являлось и изготовление лопат. При былом изобилии лесов этот вид промысловой деятельности был распространен равномерно по всем губерниям, но при быстром сокращении лесных площадей и росте цен на древесное сырье стал быстро уменьшаться. В конце XIX в. он оставался на территории бассейна Волги — в основном в Казанской, Нижегородской, Ярославской, Вятской, Уфимской, Саратовской губерниях. Определенные очаги этого производства сохранялись в Новгородской, Пензенской, Калужской, Рязанской и ряде других губерний. В начале XX в. официальная статистика называла около 2500 чел. этой специализации, но цифры эти были явно занижены. Малоодоходность промысла заставляла кустарей совмещать его с другими занятиями. В Казанской губернии, которая издавна являлась крупным центром этого производства, изготовление лопат сосредотачивалось в Чистопольском и отчасти — в Спасском и Лаишевском уездах. В первом из них наибольшая концентрация лопатников отмечалась в Старо-Альметьевской волости. Работали семьями, нередко — в лесу (в специально построенных для этого жилых помещениях — зимницах). Основной вид сырья для лопат — осина, липа и береза, закупка которых производилась как в казенных, так частновладельческих лесах. К концу XIX в. (по Положению от 26 февраля 1896 г.) в Казанской и Саратовской губернии стали крестьяне осуществлять закупки леса в казне на льготных условиях. Артель кустарей (5-10 чел.), а иногда и вся деревня, вносили при покупке только 1/10 часть стоимости определенного участка (делянки) леса, остальная часть стоимости вносилась лишь после продажи изделий. Но нередко значительную часть делянок закупали наиболее состоятельные крестьяне, продавая затем лесное сырье (подеревно) кустарям. Производство лопат, как правило, было побочным занятием, тем не менее, в зимнее время многие крестьяне пытались пополнить им свои заработки. Трое рабочих в лесу за день могли сделать не более 50 лопат, а один — не более 8. В Новгородской губернии в конце 70-80-е гг., когда леса еще было

вполне достаточно, семья из 4 работников в зимнее время могла выручить до 200 руб., но в начале 90-х гг. — не более 25 руб.¹⁷¹.

В разных губерниях, и особенно там, где было развито ткацкое производство, делали берды. Наибольшая концентрация селений, где были заняты изготовлением деревянных берд, отмечалась в Ярославской губернии. Уже в 50-е гг. XIX в. промысел в этих местах имел широкое распространение, но появление его было связано с д. Хабарово Костромской губернии. В Ярославской губернии домашнее ткачество уже в конце XVIII в. представляло собой крупное производство. Но с возникновением прядильных и ткацких фабрик, когда фабричные ткани (миткаль и ситец) стали проникать в крестьянскую среду, производство берд пошло на убыль. Бердяной промысел продолжал сохраняться в Арзамасском, Макарьевском и отчасти Нижегородском и Лукояновском уездах Нижегородской губернии, где в первые годы XX в. работало свыше 600 бердовщиков. Значительное количество (свыше 500 чел.) бердовщиков отмечалось в Кузнецком уезде Саратовской губернии, в 9 уездах Вятской (412 чел.), в Мосальском уезде Калужской (около 200 семей), в слободе Белой (100 семей) Судженского уезда Курской, Саранском уезде Пензенской (свыше 100 семей), Егорьевском уезде (свыше 100 семей) Рязанской губерний. Промысел имел семейный характер, найм рабочей силы практиковался редко и, прежде всего, у малосемейных.

В качестве сырья для выделки берд ранее служила калина, древесина которой давала прочные изделия. Постепенно с ее исчезновением кустари перешли на использование березы, ели и сосны. Но в местах концентрации промысла и эти породы деревьев подверглись быстрому исчезновению, поэтому кустарям приходится пользоваться, в основном, привозным лесом. Готовые изделия попадают в руки скупщиков. Готовый товар расходуется по всей России, попадая даже в Польшу¹⁷².

С ткацким производством был связан еще один промысел — изготовление деревянных гребней для чесания пеньки и льна. Крупнейший центр его находился в Лебединском уезде Харьковской губернии. За ним по количеству кустарей следовал Кузнецкий уезд Саратовской губернии (около 150 чел.). Очаги этого промысла были зафиксированы в слоб. Воронцовке Воронежской губернии, г. Мирополье, с. Котове и д. Беловской Курской, селах Пашутовке, Тепловке, Забалуйке Пензенской, с. Кивать Симбирской, Егорьевском и Ряжском уездах Рязанской, с. Язвищи Смоленской, Угличском уезде Ярославской, с. Кинделине Пермской, д. Поручикове и ряде других Уфимской губерний. В учтенных пунктах в первые годы XX в. работало около 1900 кустарей, которые делали

ежегодно около 650 тыс. гребней и до 1 млн 800 тыс. гребенок (гребни меньших размеров). Во многих населенных пунктах работало не более 1-3 кустарей, удовлетворявших местный спрос. Промысел постепенно сокращался. В связи с тем, что быстро распространялись в быту фабричные изделия из гуттаперчи и целлулоида, стало исчезать и производство гребней для расчесывания волос. С каждым годом увеличивалось поступление на рынки нечесанных конопли и льна. Кроме того, во многих местах волокно стали чесать щетками с железными зубьями, завершая этот процесс расчесыванием щеткой из жесткой щетины.

Для изготовления гребней употребляли клен, реже березу и грушу. Клен для многих кустарей стал привозным материалом, что удорожало производство и делало его чаще всего нерентабельным¹⁷³.

Наибольшее развитие в бондарно-щепном производстве в последней четверти XIX в. приобрело изготовление дубовой клепки по заказам, с использованием древесного сырья лесопромышленников. Основные очаги промысла отмечались в Казанской и Симбирской губерниях. Уже в конце 70-х гг. клепку (в основном, для бочек под керосин) стали вывозить далеко за пределы края. С переходом на танкеры и цистерно-вагоны спрос на нее упал. Но в начале 90-х гг. правительство заключило контракт с французской фирмой Перрена на поставку бочкотарной клепки, изготавливавшейся по особой технологии. Ее делали из отборной дубовой древесины и не одинарной, а двойной. Расколку клепки производили сами французы на своих заводах. Производству этой клепки крестьян обучали специальные мастера, прибывшие из Чехии и Венгрии. Для заготовки сырья в Лайшевском, Мамадышском, Ядринском, Чебоксарском, Цивильском и Козьмодемьянском уездах лесопромышленникам предоставили более 1300 дес. леса. И уже в 1892 г. было подготовлено к отправке 3 млн штук клепки. На выделке «французской» клепки, в основном, специализировались крестьяне Татаркасинской волости Козьмодемьянского уезда, Воскресенской и Посадско-Сотниковской волостей Чебоксарского уезда, Аликовской волости Ядринского уезда. Бочкотарную клепку производили и на внутренний рынок, прежде всего, для Астрахани. Этим занимались в Богородской, Воскресенской и Посадско-Сотниковской волостях Чебоксарского уезда и Янгильдинской волости Козьмодемьянского уезда¹⁷⁴.